

УДК 34.01

ФИЛОСОФСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ В ТИПОЛОГИИ ПРАВ**Трынкин В.В.***ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
Минобразования России», Нижний Новгород, e-mail: protector@live.ru/*

В статье выявлены иные характеристики типологии прав, по сравнению с ныне известной типологией юриспруденции. Обрисованы новые типы прав: революционное, Божественное, наконец, разумное право. В разумном праве есть черты сходства и различия с естественным и Божественным типами прав. В то же время, разумное право отличается от ряда законов и конституций его неуклонной ориентации на справедливость и всеобщность. Эта ориентация обозначает также чёткую демаркацию между целями, критериями, предписаниями разумного права и совсем иными типологическими характеристиками торгового права. Наконец, разумное право в корне противоречит внешне законодательным намерениям олигархических верхов любой революции, за спинами народа добивающихся собственной власти. Общий итог: в статье выявлен гораздо более широкий спектр прав, нежели в традиционной юриспруденции, отмечено их тесное переплетение, высвечена специфика разумного права.

Ключевые слова: типология прав, конституция, закон, права: торговое, революционное, естественное, Божественное, разумное

PHILOSOPHICAL PRIORITIES IN THE TYPOLOGY OF LAW**Trynkin V.V.***FGBOU VPO «The Nizhny Novgorod State Pedagogical University. K. Minin
the Ministry of education of Russia, Nizhny Novgorod, e-mail: protector@live.ru*

The article revealed other characteristics typologies of rights, compared with the now well-known typology of jurisprudence. Outlines new types of rights: the revolutionary, divine, finally, reasonable right. Reasonable right there are similarities and differences with the natural and Divine rights types. At the same time, reasonable right differs from the number of laws and constitutions of his unwavering focus on fairness and universality. This orientation is also a clear demarcation between the objectives, criteria, regulations, reasonable and quite different typological characteristics of commercial law. Finally, a sensible law contradicts the legislative intent of the oligarchic leaders outside of any revolution, behind the backs of the people seeking his own power. Overall outcome: the article has a much more extensive rights than in traditional jurisprudence, noted their close weave, highlighted the specificity of a reasonable law.

Keywords: typology of rights, the Constitution, law; law: commercial, revolutionary, natural, divine, reasonable

Современная юриспруденция выделяет, как правило, публичный и частный типы прав, распадающиеся на основные отрасли. К таким относятся: конституционное, административное, уголовное, гражданское, трудовое, торговое, а также международное публичное право. Далее следуют законы, своим возникновением обязанные проектам власти, утверждаемым законодательными органами. Венчает всё типологическое построение – Конституция – в виде оформленной и закреплённой системы правовых норм как писаных, так и конституционных обычаев. Причём, в такой типологии перво-степенна именно конституция, а наиболее значимы законы. Философский подход в типологии прав обнаруживает иную субординацию и иное их реальное воздействие на общество. Эта субординация, по не совсем понятным причинам, пока не осмыслена юриспруденцией. Актуальность статьи заключается в новом философском взгляде на действенную типологию прав, существенно отличающуюся от типологии, принятой ныне в юриспруденции.

В ней, по предписаниям конституции, законы во всех моих отраслях деятельности

людей стремятся чётко определить границы дозволенного и недозволенного, что-то предписывая, к чему-то строго обязывая, либо категорически запрещая [9. 45]. Юриспруденция при этом убеждена, что правоотношения вообще беспредметны, если действие/бездействие не будет предусмотрено административно-правовыми нормами [9. 76]. В итоге, по замыслу, появляется гарантия достижения предписанных сверху целей [9. 61]. И, естественно, максимальная гарантирующая мощь исходит от всеми принятой конституции. Освящённые ею законы строго контролируют исполнительную власть и правосудие [11. 33].

Правда, один из философов поправляет ракурс взгляда на описанную юриспруденцией картину: «Вопреки всем демократическим предрассудкам всегда и всюду правит меньшинство» [Ильин: 3. 54]. Именно этому меньшинству даны верховные полномочия для организации государства и его органов, и оно же распространит своё законодательное-структурированное, властное повеление на все отрасли деятельности в стране. В этой связи, подлинным праправом для всего свода законов, соответственно, несущим

щей конструкцией государственного здания является близкое к центру полномочий административное право [1. 113]. Данный тип права сегодня достиг гигантских размеров, превышая все иные законодательные отрасли [12. 48]. И законодательным нормам приходится постоянно оглядываться на административное право, которое с полным основанием в верном направлении организует и структурирует всю систему норм [1. 36]. В этой строго обозначенной картине главенствует как бы безоговорочный нормативный порядок.

Но его истины поправляет глубинно мыслящий философ: сколь совершенны ни были бы административные нормы и законы, они все же могут быть сведены лишь к совокупности текстов, на которые многие, по особым причинам, могут перестать обращать внимание. Ибо фактически всякие нормы действуют лишь тогда, когда они подкреплены и обеспечены социальной мощью. Лишь в этом случае они становятся реальным своеправием [Спиноза: 10. 315].

Торговое право внешне подчинено законам. Только со времён А. Смита и ныне экономисты твёрдо убеждены, что государство с его нормативными актами резко затрудняет свободные производственно-торговые отношения. Они полагают, что в реальной жизни законы стоимости подлинно господствуют над миром, обретая фантастическую форму, достигая значения неотвратно действующего рока [Маркс: 4. 84]. Под прикрытием подобных идей, транснациональные корпорации, банки и биржи, играют валютным курсом в свою пользу, обкрадывают и разоряют экономику развивающихся стран. И строй законов с этой мощью часто совладать не в состоянии.

Впрочем, не всё так гладко в мыслях и делах экономических структур. Когда в действие вступают мощные державы, ресурсы и силы торгово-корпоративных субъектов перед их мощью начинают пасовать. В образовавшемся строе отношений на арену опять вступает ранее вроде бы низвергнутое правящее меньшинство. Именно оно, используя ресурсную, военную, административную, юридическую согласованно действующую мощь, способно и предписывает ряду торгово-промышленных, банковских и биржевых корпоративных контрагентов свою волю.

Казалось бы, диалектика правоотношений восстановила свой исходный вид, и этот вид в свою повседневность воплощается практически неотвратно. Однако в сложившееся течение событий нередко вмешивается воля революционного народа, уставшего от безысходности и бесправия

того или иного заостренного политического режима. Эта воля стремится воспользоваться революционным правом для восстановления своего общего правомочия. Даже значимые державы (Англия, Франция, Россия и т.п.) пережили революционные перевороты. При великом гнве народа бывшая мощь и несокрушимость правящего режима может быть разбита и рассеяна. Только в логике всякой революции присутствует своя червоточина. Эта червоточина называется жаждой власти, характерной для революционного меньшинства. Оно, используя разросшийся гнев народа, ловко перенаправляет его в свою пользу. В итоге возникает новая вертикаль правления, возвращающая административно-законодательную силу меньшинства.

Описанные выше бурные события лежат на поверхности бытия, правда, уже революционное право, как реальный факт, в юриспруденции не упоминается. Наряду с бурными событиями вершатся события малозаметные, но в полной мере касающиеся сущности правоотношений. Таково действие естественного права. Оно изначально существовало в обычаях, хотя было шире их по своей сущности. И оно вполне реально ныне. Действие естественного права часто в самой жизни ограничивает или даже игнорирует действие закона. Во-первых, может ли жизнь быть благополучной, если законы издают тираны? Справедлив ли закон, «давший диктатору право казнить по своему усмотрению любого гражданина, лишь назвав его по имени, даже без слушания дела в суде?» [Цицерон: 13. 102]. Способствовали ли общественному благу законы Суллы, который на пути каждого гражданина устанавливал ловушки, и вынуждал людей произвольно рвать хитро сплетённую паутину законов. А поскольку множество действий были квалифицированы как «убийства», «убийца» находили повсюду и жестоко карали невинных людей [Монтескье: 5. 237]. Поэтому естественное право вторгается в действие закона тем или иным способом. К примеру, при особо ретивых правителях объявляются, порой, принудительные мобилизации. Будь правительства монархические либо революционные, суть одна: естественные человеческие реакции (страх, нежелание убивать других таких же людей и т.п.) они квалифицируют как военные преступления и за них даже расстреливают. И тогда естественное право на жизнь вынуждено искать любые способы неисполнения противоправных повелений. Или, когда юридическое бесправие да горькая нужда подталкивают человека к самоубийству, взгляд, брошенный на кровать со спящей дочкой, может вернуть в душу

огромное тепло жизни. Это право дитя проступает как бы само собой. У него часто не бывает официального адвоката. А мужские и женские руки по неведомому велению мгновенно приходят ребёнку на помощь.

Столь же невидимо, но вполне явственно проявляет свою значимость Божественное право. В этой связи, реальные и значимые повсеместно распространённые косвенные отношения к инобытию и Богу. В частности, люди постоянно воспринимают души умерших «в качестве правовых субъектов». Люди приносят цветы, венки, берегут надгробные памятники, сохраняя в целостности и неприкосновенности могилы. Иначе: имеет место «охрана чести и доброго имени умерших», беспрекословное осуществление их предсмертных распоряжений. А это – совершенно очевидные правовые действия по отношению к как бы не существующей реальности [Петражицкий: 7. 110]. Но о сошествии с ума людей, народов и поколений говорить, пожалуй, опрометчиво. Кроме того, вполне реальны повсеместны прямые обращения народов к Божественной воле. Реагируют люди и на фактор существования самого Божественного права: «на разные знаки почитания и служения», на послушание, «на безропотное перенесение» ниспосланных бедствий или наказаний [7. 113]. Соответственно, каждую значительную акцию политиков или законодателей народы, зачастую негласно, соотносят с внутренне ощущаемыми нормами Божественного права. Они для людей становятся неустранимым критерием правомерности возникшей политико-юридической реальности, которая народом либо одобряется или порицается. Кое-кто из правящей элиты рискует противостоять этим тенденциям. Тогда он оказывается в серьёзном разладе с правовым сознанием народа. И возможно, с неосознаваемой силой самого Божественного права. Весомее и мудрее при отыскании правового момента стараться привести к гармонии жизнь земную и небесную, как об этом писал Токвилль.

Наконец, столь же нешумно, но настойчиво и всесторонне проступает на арену событий Мира разумное право. О его сущности философы размышляли со времён Платона. Первое его фундаментальное свойство – опора на справедливость. Причём справедливость не сиюминутную, не отдельную, а вызревающую из череды мировых коллизий и конфликтов. Справедливость, в отличие от конкуренции и особенных законодательных систем, сущностно ориентирована на целостное благополучие человечества и всегда связывает воедино общественные силы. Те или иные законы, или властные распоряжения далеко не часто основаны на справедливости.

Её особенность в таких случаях обнаруживается в том, что люди начинают игнорировать законы, и законы постепенно теряют силу, а власть столь же не сразу, но начинает разлагаться [Платон: 8. 448–449]. Отношения справедливости заложены в глубинной основе человеческого бытия, потому-то всегда отношения справедливости предшествуют как бы после установившему их положительному закону [Монтескье: 5. 164]. При этом внутренняя системность основанных на справедливости нравственных целей, критериев, предписаний не представляет собою нечто неформировавшееся, а, наоборот, тяготеет к высочайшей степени самоорганизации.

Опираясь на справедливость как на своё основание, разумное право поднимается к горизонтам осмысления целостной нравственно-правовой реальности, а также к фактору соотношения конституций, законов, административного, торгового, революционного, Божественного и всей совокупности прав в их сложнейшем взаимодействии. Эту высоту и масштабность обзора подготовили глубоко мыслящие философы, и венчали возникающую картину свойств разумного права И. Кант и Г. Гегель. В одном известном месте, вызвавшем бурю дискуссий, Гегель пишет: «всеобщность законодательной, особенность судебной, единичность исполнительной власти как целостное правомочие субъекта и образуют в совокупности понятие монарха» [Гегель: 2. 300]. При внимательном прочтении выясняется, что прусский престол Гегель не прославлял, так как его фундаментальный принцип – «государство как духовное», как разумное «выявление всех своих моментов» [там же], то есть он прямо перенял эстафету по этой важной особенности права от И. Канта. В реальности, Гегель выявил характер служения миру со стороны разумного права. А именно: утверждение о всеобщности законодательной власти явно выходит от границ отдельного государства к внутренней системе нравственных целей, критериев, предписаний, которые в процессе саморегуляции создают стратегический вектор духовного развития человечества. «Особенность судебной» столь же вовсе не характеризует отдельную ветвь треугольника ветвей управления государством. В данном случае речь идёт о способности суждения, сущности которой И. Кант посвятил целый том трилогии. Особенность этого вида служения миру заключена в умении судить, системе нравственных целей, критериев, предписаний, развивающихся вместе с человечеством. Наконец, «единичность исполнительной власти» характеризует действительную сторону рассматриваемого

типа служения миру, то есть умение совершать поступки (или советовать их другим), прямо опирающиеся на суждения о системе нравственных целей, критериев, предписаний человечества. Слово власть в триаде Гегеля условно, так как всеобщей власти не бывает. Значит, высвечена роль особой мудрости в отношении к миру, а также ко всем реалиям человеческого бытия со стороны разумного права. Разумеется, в историческом многообразии событиями иногда правит глупость. Но от её правления миру и людям достаются только страдания и беды.

Подведём итог. Разумное право отчасти сближается с естественным и Божественным типами прав. Отличие от естественного права состоит в том, что естественное право двухполюсно. На одном полюсе оно исходит из чаяний бытия народов и человечества. На другом полюсе его используют для коварных целей криминальные структуры, тоже, якобы, выступающие за сохранение естественных свобод. Разумное право в этом плане единообразно и всеобщее. Отношение к Божественному праву у мудрецов тонкое, чуткое, ориентированное на незримую поддержку их исканий посредством духовного откровения. В то же время разумное право сторонится проповедей и учений некоторых политизированных церковных институтов.

Характер отличия разумного права от ряда законов и конституций заключён, прежде всего, в его неуклонной ориентации на справедливость и всеобщность. Законы и конституции явно односторонни, выражая цели вполне конкретных политических сил. Ориентация на справедливость и всеобщность позволяет обозначить чёткую демаркацию между целями, критериями, предписаниями разумного права, и совсем иными типологическими характеристиками торгового права. В нём, как известно, господствует частный интерес и крайне неустойчивая, в контексте всеобщих целей человечества, меновая стоимость, усиленная жёсткой и часто беспощадной конкуренцией. Наконец, разумное право в корне противоречит внешне законодательным намерениям олигархических верхов любой революции, за спинами народа добывающих собственную власть.

Общий итог: в статье выявлен гораздо более широкий спектр прав, нежели в традиционной юриспруденции, отмечено их тесное переплетение, высвечена специфика разумного права.

Список литературы

1. Административное право: учебник. – М.: Юрист, 1999. – 320 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – Соч. в XIV тт. – Т. VII. – М.-Л.: Мысль, 1934. – 362 с.

3. Ильин А.И. Основы государственного устройства. Проект Основного Закона России. – М. 1996.: Парогъ. – 160 с.
4. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. – Т.1. М.: 1970. – 463 с.
5. Монтескье Ш. О духе законов. – М.: Госполитиздат, 1955. – 758 с.
6. Остром В. Смысл американского федерализма. – М.: Арена, 1993. – 354 с.
7. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб.: Издательство «Лань», 2000. – 608 с.
8. Платон. Соч. в 3-х тт. – Т.3. Часть 2. – М., 1972. – 678 с.
9. Советское административное право. – Учебник / ред. Ю.М. Козлов. – М.: Юрид. лит., 1985. – 544 с.
10. Спиноза Б. Богословско-политический трактат. – В 2-х тт. – Т. 2. М.: Госполитиздат, 1957. – 567 с.
11. Федеративная республика Германия. Конституция и законодательные акты. М.: Типолит. т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1898. – 254 с.
12. Фридман Л. Введение в американское право. – М.: Прогресс-Универс, 1993. – 286 с.
13. Цицерон. О законах. Диалоги. – М.: Наука, 1966. – 224 с.

References

1. Administrative law: a tutorial. – PM: Yurist, 1999. – 320 p.
2. Hegel G.V.F. Philosophy of law. – Op. the XIV VV. – Vol. VII. – M.-L.: Thought, 1934. – 362 p.
3. Ilyin A.I. Structure of the State. The Draft of The Basic Law. – M.: 1996, Parog. – 160 p.
4. Marx K. Capital. Critique of political economy. – Total collection composition. – Vol. 1. – M.: 1970. – 463 p.
5. Montesquieu SH. About the spirit of laws. – M: Gospolitizdat, 1955. – 758 p.
6. Ostrom V. In the meaning of American federalism. – M.: Arena, 1993. – 354 p.
7. Petrazycki L.I. Theory of law and State in connection with the theory of morality. – Spb: Publishing House «Lan», 2000. – 608 p.
8. Platon. Op. in 3's – Vol. 3, part 1. – M. 1971. – 687 p.
9. The Soviet administrative law. – Tutorial / ed. J. M. Kozlov. – M.: Legal. litt., 1985. – 544 p.
10. Spinoza B. Theological-political treatise. – In 2-VV. – Vol. 2. – M: Gospolitizdat, 1957. – 567 p.
11. The Federal Republic of Germany. The Constitution and legislation. – PM: Tipolit. t-va I.N. Kushnerev and K0., 1898. – 254 p.
12. Friedman L. Introduction to American law. – M.-P.: Progress-Universe, 1993. – 286 p.
13. Ciceron. About the laws. – Dialogues. – M.: Nauka, 1966. – 224 p.

Рецензенты:

Парилов О.В., д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин (НГОО ВПО «Нижегородская правовая академия»), г. Нижний Новгород;

Кочеров С.Н., д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии и общественных наук, ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Минобразования России», г. Нижний Новгород.

Работа поступила в редакцию 24.06.2014.